DK
262
.A2x
no.1

Книгоиздательство „Молотъ“.

ФРИДРИХЪ ЭНГЕЛЬСЪ.

Къ критикѣ политической экономіи.

Второе изданіе.

Перев. съ нѣмецк. М. Лемберка.

Цѣна 7 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ш. Бусселя, Невскій пр., д. № 126.
1905.

Книгоиздательство „Молотъ“.

ФРИДРИХЪ ЭНГЕЛЬСЪ.

Къ критикѣ политической экономіи.

Второе изданіе.

Перев. съ нѣмецк. М. Лемберка.

Цѣна 7 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ш. Бусселя, Невскій пр., д. № 126.
1905.

HAROLD B. LEE LIBRARY
BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
PROVO, UTAH

DK
262
.A2x
no.1

Книгоиздательство „Молотъ“.

ФРИДРИХЪ ЭНГЕЛЬСЪ.

Къ критикѣ политической экономіи

Второе изданіе.

Перев. съ нѣмецк. М. Лемберка.

Цѣна 7 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ш. Бусселя, Невскій пр., д. № 126.
1905.

Дозволено цензурою. Одесса, 12-го Мая 1905 г.

HAROLD B. LEE LIBRARY
BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
PROVO, UTAH

Политическая экономія возникла, какъ естественное слѣдствіе развитія торговли, и вмѣстѣ съ ея появленіемъ грубое и невѣжественное торгашество смѣнилось законченной системой дозволеннаго обмана, цѣлой наукой о способахъ обогащенія.

Эта политическая экономія, или наука о способахъ обогащенія, выросшая на почвѣ соперничества и хищническихъ наклонностей купцовъ, носила на себѣ печать самаго отвратительнаго эгоизма. Тогда еще наивно вѣрили, что богатство заключается съ серебрѣ и золотѣ, и всѣ страны считали поэтому священнѣйшей своей обязанностью запрещать вывозъ «благородныхъ» металловъ.

Народы уподоблялись скупцамъ, которые, обхвативъ обѣими руками дорогой ихъ сердцу денежный мѣшокъ, съ завистью и недоброжелательствомъ глядѣли на своихъ сосѣдей.

Въ то время всѣми силами старались оттягать какъ можно больше наличныхъ денегъ у тѣхъ народовъ, съ которыми вели торговыя сношенія, и не выпускать пріобрѣтенную добычу изъ предѣловъ страны.

Слишкомъ послѣдовательное проведеніе въ жизнь этого принципа могло убить торговлю. Люди перешагнули черезъ эту ступень развитія. Они поняли, что капиталъ, лежащій въ кассѣ, остается мертвымъ капиталомъ, между тѣмъ какъ тотъ же капиталъ, находясь въ обращеніи, постоянно умножается.

Тогда купцы стали проявлять и большее человѣколюбіе. Они разсылали въ разныя страны свои дукаты, чтобы тѣ приводили съ собой домой другіе дукаты. Тогда же поняли, что вовсе не вредно заплатить дорого купцу А за его товаръ, разъ можно тотъ же товаръ еще дороже продать купцу В.

Эти соображенія легли въ основу меркантильной системы. Торговля старалась замаскировать свой хищническій характеръ. Народы понемногу стали сближаться. Они заключали между собою торговые и дружественные договоры и входили въ различныя сдѣлки, а въ видахъ крупныхъ выгодъ по возможности оказывали другъ другу любезныя услуги. Но по существу своему торговля представляла собой прежнее хищничество и характеризовалась тѣмъ же эгоизмомъ. Эти ея черты время отъ времени проявлялись въ войнахъ, возникавшихъ въ тѣ періоды исторіи вслѣдствіе торговаго соревнованія. Эти войны доказывали, что торговля, какъ и грабежъ, основана на кулачномъ правѣ. Тогда нисколько не стѣснялись хитростью или силой вынуждать другъ у друга такіе договоры, которые предоставляли болѣе сильной сторонѣ наибольшія выгоды.

Основной пунктъ всей меркантильной системы заключается въ теоріи торговаго баланса. Такъ какъ тогда продолжали еще придерживаться того мнѣнія, что богатство заключается въ серебрѣ и золотѣ, то выгодными считались лишь тѣ сдѣлки, которыя въ концѣ концовъ приносили въ страну наличныя деньги. Чтобы опредѣлить, насколько выгодны сдѣлки страны, сравнивали ея вывозъ и ввозъ. Если оказывалось, что вывозъ былъ больше ввоза, то считалось, что въ странѣ прибавилась соотвѣтствующая разница въ наличныхъ деньгахъ и что страна стала богаче на эту разницу. Искусство экономистовъ въ

томъ, слѣдовательно, и заключалось, чтобы къ концу года вывозъ оказывался больше ввоза; и ради этой комичной иллюзіи приносились въ жертву тысячи людей! Торговля могла бы похвастать и своими крестовыми походами и своей инквизиціей.

18-ое столѣтіе, которое было вѣкомъ революцій, революціонизировало и политическую экономію. Но, какъ и всѣ революціи этого вѣка, революція въ области политической экономіи оказалась односторонней, по своему содержанію, и полной противорѣчивыхъ тенденцій.

Тогда противопоставили абстрактному спиритуализму абстрактный же матеріализмъ, монархіи —республику, божественному праву—соціальный договоръ, и экономическая революція тоже не была въ силахъ перешагнуть черезъ этотъ предѣлъ. Предпосылки во всѣхъ случаяхъ остались неизмѣнными: матеріализмъ не затронулъ своей критикой христіанскаго самоуничиженія человѣка и презрѣнія къ нему, и на мѣсто христіанскаго Бога поставилъ предъ человѣкомъ въ качествѣ абсолюта природу; политики не позаботились о томъ, чтобы провѣрить предпосылки государственнаго строя, а политико-экономамъ не приходило въ голову, что необходимо задуматься надъ вопросомъ объ оправданіи частной собственности. Поэтому новая политическая экономія лишь незначительно шагнула впередъ. Ей пришлось отвергнуть свои собственныя предпосылки и измѣнить имъ, пришлось призвать на помощь софистику и лицемѣріе для того, чтобы скрыть противорѣчія, въ которыхъ она запуталась, и чтобы притти къ заключеніямъ, которыя ей необходимо было признать не въ силу своихъ предпосылокъ, а въ силу гуманнаго духа того вѣка. Политическая экономія приняла человѣколюбивый характеръ. Она лишила производителя своей милости и стала дарить своей любовью потребителя. Она

выражала свое негодованіе по поводу кровавыхъ ужасовъ меркантилизма и объявила торговлю залогомъ единенія и дружбы, какъ между цѣлыми народами, такъ и между отдѣльными лицами. Все это было прекрасно, но предпосылки не замедлили проявить всю силу своего дѣйствія и въ разрѣзъ со всей этой филантропіей создали мальтусовскую теорію перенаселенія, самую грубую и самую варварскую изъ всѣхъ, когда-либо существовавшихъ теорій, теорію, способную довести человѣка до отчаянія, теорію, которая повергла въ прахъ всѣ красивыя слова о любви къ человѣчеству и о всемірномъ гражданствѣ. Тѣ же предпосылки создали и развили фабричную систему и современное рабство, по своей безчеловѣчности и жестокости ни въ чемъ не уступающее старому рабству. Новая политическая экономія, система свободы торговли, обоснованная на сочиненіи Адама Смита «Wealth of Nations», обнаружила то лицемѣріе, непослѣдовательность и безправность, которыя теперь всюду противостоятъ свободному человѣчеству.

Но развѣ система Смита не представляла собою шага впередъ? Конечно, это былъ шагъ впередъ, и къ тому же шагъ необходимый. Необходимо было ниспровергнуть меркантильную систему съ ея монополіями и стѣсненіями торговыхъ сношеній для того, чтобы истинныя слѣдствія частной собственности обнаружились яснѣе. Необходимо было отбросить всѣ мелкія соображенія мѣстнаго или національнаго характера для того, чтобы борьба въ наши дни стала болѣе общей и охватила все человѣчество.

Теорія частной собственности должна была оставить тропу чисто эмпирическаго и исключительно объективнаго изслѣдованія и принять научный характеръ, принуждающій ее взять на себя отвѣтственность и за свои выводы, для того, чтобы перевести дѣло на болѣе обще-

человѣческую точку зрѣнія. Наконецъ, необходимо было, чтобы заключавшіеся въ старой политической экономіи элементы безнравственности были доведены до крайности путемъ отрицанія этой безнравственности и путемъ лицемѣрія, какъ необходимаго слѣдствія этого отрицанія. Все это лежало въ самой природѣ вещей. Мы охотно признаемъ, что обоснованіе и проведеніе въ жизнь свободы торговли дало намъ возможность перешагнуть черезъ политическую экономію, основанную на частной собственности, но въ то же время оставляемъ за собой право доказать, что свобода торговли представляетъ собой абсурдъ, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи.

И нашъ приговоръ долженъ быть тѣмъ суровѣе, чѣмъ ближе къ намъ по времени тѣ политико-экономы, которыхъ мы будемъ критиковать.

Дѣло въ томъ, что Смитъ и Мальтусъ нашли готовыми лишь обрывки теоріи, между тѣмъ, какъ передъ позднѣйшими изслѣдователями стояла законченной уже вся система. Въ ихъ время были уже выведены всѣ слѣдствія теоріи и достаточно ясно обнаружились всѣ ея противорѣчія, а они все же считали лишнимъ изслѣдовать ея *предпосылки* и продолжали брать на себя отвѣтственность за всю эту систему. Чѣмъ ближе эти политико-экономы къ настоящему времени, тѣмъ меньше у нихъ честнаго отношенія къ дѣлу. Съ теченіемъ времени по необходимости усиливалась и роль софистики, къ которой пришлось прибѣгнуть, чтобы удержать политическую экономію на той высотѣ, которая соотвѣтствовала данному времени. Поэтому вина Рикардо больше, чѣмъ вина Адама Смита, а вина Макъ-Куллоха и Милля больше вины Рикардо.

Новѣйшая политическая экономія не въ состояніи составить себѣ даже правильнаго сужденія о меркантиль-

ной системѣ, потому что она сама страдаетъ односторонностью сужденій и продолжаетъ пользоваться старыми предпосылками. Лишь поднявшись выше противорѣчій системы меркантильной и системы свободы торговли, лишь подвергнувъ критикѣ ихъ общія предпосылки и ставъ на чисто человѣческую точку зрѣнія, можно дать правильную оцѣнку обѣихъ системъ. Ниже будетъ доказано, что защитники свободы торговли еще худшіе монополисты, чѣмъ прежніе сторонники меркантильной системы. Будетъ доказано, что подъ лицемѣрной маской гуманности новѣйшихъ политико-экономовъ скрывается такое варварство, которое было незнакомо ихъ предшественникамъ, что смѣшеніе понятій, характерное для старой школы политико-экономовъ, даже отличалось простотой и ясностью въ сравненіи съ двойственной логикой ихъ противниковъ и что ни одна изъ этихъ школъ не можетъ упрекнуть другую въ чемъ-нибудь такомъ, въ чемъ нельзя было бы упрекнуть ее самое. Поэтому то новѣйшая либеральная политическая экономія не можетъ никакъ объяснить себѣ возрожденія меркантильной системы, между тѣмъ какъ намъ дѣло представляется очень простымъ. Благодаря своей непослѣдовательности и двойственности, либеральная политическая экономія по необходимости должна распасться на свои основные элементы. Точно такъ же, какъ теологія принуждена либо пойти назадъ и вернуться къ слѣпой вѣрѣ, либо пойти впередъ и развиться до свободной философіи, такъ и свобода торговли должна съ одной стороны повести къ возрожденію монополіи, а съ другой—къ уничтоженію частной собственности.

Единственный положительный шагъ впередъ, сдѣланный политической экономіей, заключается въ развитіи законовъ частной собственности. Она во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ эти законы, если они и не развиты

ею до конца и не вполнѣ ясно выражены. Это повело къ тому, что во всѣхъ спорахъ, въ которыхъ вопросъ идетъ о кратчайшихъ путяхъ къ обогащенію, т. е. въ узко-экономическихъ спорахъ, защитники свободы торговли одерживаютъ верхъ. Чтобы избѣгнуть недоразумѣнія мы должны оговориться, что одерживаютъ они верхъ въ спорахъ съ монополистами, а не въ спорахъ съ противниками частной собственности, потому что англійскіе соціалисты давно и на практикѣ и въ теоріи доказали, что при обсужденіи экономическихъ вопросовъ противники частной собственности гораздо правильнѣе разсуждаютъ, чѣмъ сторонники ея.

Итакъ, мы въ нашей критикѣ политической экономіи изслѣдуемъ ея основныя категоріи, обнаружимъ противорѣчіе, внесенное въ нее благодаря системѣ свободы торговли, и выведемъ тѣ слѣдствія, къ которымъ ведетъ это противорѣчіе.

* * *

Выраженіе—національное богатство—обязано своимъ возникновеніемъ наклонности либеральныхъ экономистовъ къ обобщеніямъ. Покуда существуетъ частная собственность, это выраженіе не имѣетъ никакого смысла. «Національное богатство» англичанъ огромно, и все-таки англійскій народъ одинъ изъ бѣднѣйшихъ народовъ въ мірѣ. Необходимо одно изъ двухъ: либо совершенно отказаться отъ этого выраженія, либо признать такія предпосылки, которыя могутъ дать этому выраженію смыслъ. То же можно сказать и о выраженіяхъ—національная, политическая или общественная экономія. При современныхъ условіяхъ наука должна была собственно носить названіе частной экономіи, потому что всѣ общественныя отношенія существуютъ исключительно ради частной собственности.

* * *

Ближайшимъ слѣдствіемъ частной собственности является торговля, взаимный обмѣнъ предметами потребленія, купля и продажа. При господствѣ частной собственности, торговля, какъ и всякая другая дѣятельность, должна стать непосредственнымъ источникомъ существованія для лицъ, ведущихъ торговлю. Это значитъ, что каждый изъ торгующихъ долженъ стараться продавать какъ можно дороже и покупать какъ можно дешевле. Итакъ, при каждой куплѣ и при каждой продажѣ сталкиваются два человѣка съ противоположными интересами; ихъ конфликтъ безспорно носитъ враждебный характеръ, потому что каждый изъ этихъ двухъ людей знаетъ стремленія другого и сознаетъ, что эти стремленія противоположны его стремленіямъ. Это ведетъ, съ одной стороны, къ взаимному недовѣрію, а съ другой стороны къ оправданію этого недовѣрія и къ примѣненію безнравственныхъ средствъ для достиженія безнравственной цѣли. Такъ напр., основнымъ принципомъ торговли является скрытность и утаиваніе всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя могли бы понизить цѣнность даннаго предмета. Торговый міръ разрѣшаетъ себѣ поэтому извлекать всевозможныя выгоды изъ неопытности или довѣрчивости противной стороны и приписывать своему товару качества, какихъ тотъ не имѣетъ. Однимъ словомъ, торговля есть легальный обманъ. Что практика согласуется съ теоріей, подтвердитъ мнѣ всякій купецъ, если онъ захочетъ сказать правду.

Меркантильной системѣ была еще въ извѣстной степени свойственна откровенная католическая прямота характера, и она нисколько не скрывала безнравственной сущности торговли. Мы уже видѣли, что меркантилизмъ открыто проявлялъ свою алчность. Взаимная вражда на-

родовъ, ихъ отвратительная зависть другъ къ другу и торговое соревнованіе въ 18-мъ вѣкѣ были простыми слѣдствіями торговли. Общественное мнѣніе тогда не поддалось еще вліянію гуманныхъ идей. Къ чему было скрывать вещи, которыя являлись непосредственнымъ слѣдствіемъ безчеловѣчной сущности торговли?

Но къ тому времени, когда Адамъ Смитъ, сыгравшій роль Лютера среди экономистовъ, занялся критикой прежней политической экономіи, положеніе вещей уже сильно измѣнилось. Его время отличалось гуманностью. Разумъ сталъ проявлять свое вліяніе, и нравственность начала уже ссылаться на присущее ей вѣчное право. Заключенные путемъ насилія торговые договоры, войны изъ-за коммерческихъ интересовъ и рѣзкая изоляція народовъ другъ отъ друга, все это уже слишкомъ шло въ разрѣзъ съ прогрессировавшимъ къ тому времени сознаніемъ общества. Тогда католическая прямота характера смѣнилась протестантскимъ лицемѣріемъ.

Смитъ доказалъ, что торговлѣ свойственна гуманность, что вмѣсто «плодотворнѣйшаго источника раздоровъ и вражды» торговля должна стать «залогомъ единенія и дружбы, какъ между народами, такъ и между отдѣльными лицами» и что по самой природѣ своей торговля въ общемъ выгодна для всѣхъ лицъ, участвующихъ въ ней.

Смитъ былъ правъ, когда онъ восхвалялъ гуманность торговли. Въ мірѣ нѣтъ ничего абсолютно безнравственнаго, и торговля тоже въ извѣстномъ отношеніи, какъ будто почитаетъ нравственность и человѣчность. Но какъ она ихъ почитаетъ! Кулачное право, т. е. грубый средневѣковый разбой на большихъ дорогахъ, было гуманизировано, когда оно было перенесено въ торговлю, а торговля, которую прекрасно характеризуетъ запрещеніе вывоза

денегъ, съ своей стороны, сдѣлалась болѣе гуманной, когда она переняла меркантильную систему. Позже и сама меркантильная система подвергалась гуманизаціи. Понятно, что лицу, ведущему торговлю, выгодно быть въ хорошихъ отношеніяхъ, какъ съ тѣмъ, у кого онъ дешево покупаетъ, такъ и съ тѣмъ, кому онъ дорого продаетъ. Не умно поэтому поступала бы нація, которая вызывала бы своимъ поведеніемъ вражду у своихъ поставщиковъ и покупателей. Наибольшая любезность приноситъ наибольшія выгоды; въ этомъ принципѣ заключается гуманность торговли, а лицемѣрный способъ злоупотреблять нравственностью для своихъ безнравственныхъ цѣлей и составляетъ гордость системы свободы торговли. «Развѣ мы не низвергли варварства монополіи?» кричатъ лицемѣры.—«Развѣ мы не внесли цивилизаціи въ самые отдаленные уголки земного шара, развѣ мы не создали братства народовъ, не уменьшили количества войнъ?» Да, вы все это сдѣлали, но какимъ образомъ вы сдѣлали это! Вы уничтожили мелкія монополіи для того, чтобы дать возможность тѣмъ свободнѣе и неограниченнѣе властвовать одной огромной, основной монополіи—собственности. Вы внесли цивилизацію во всѣ концы міра для того, чтобы получить возможность еще шире развернуть на новой почвѣ свои низкія, корыстолюбивыя наклонности. Правда, что вы способствовали братскому единенію народовъ, но вы создали братство воровъ и способствовали уменьшенію числа войнъ для того, чтобы больше зарабатывать во время мира и довести до крайнихъ предѣловъ вражду отдѣльныхъ индивидуумовъ и безчестную борьбу конкурренціи! Когда сдѣлали вы что-нибудь, движимые только гуманностью или же сознаніемъ того, что противоположность общихъ и индивидуальныхъ интересовъ ничтожна? Въ какихъ случаяхъ поступили вы нрав-

ственно, не руководясь личными выгодами и не имѣя при этомъ втайнѣ своихъ безнравственныхъ и эгоистичныхъ побудительныхъ мотивовъ?

Либеральная политическая экономія сдѣлала все, что могла, чтобы уничтожить границы между отдѣльными національностями, и такимъ образомъ обобщить вражду между людьми, превратить все человѣчество въ стаю грызущихся звѣрей, которые пожираютъ другъ друга только оттого, что у каждаго изъ нихъ тѣ же интересы, что и у его товарищей. Послѣ этой предварительной работы ей для достиженія своей цѣли осталось сдѣлать еще только одинъ шагъ, а именно, уничтожить семью. И въ этомъ отношеніе ей помогло ея собственное прекрасное изобрѣтеніе—фабричная система. Благодаря фабричной системѣ —по крайней мѣрѣ здѣсь, въ Англіи,—погибли или уже исчезаютъ послѣдніе остатки общности интересовъ семьи и совмѣстнаго владѣнія семейнымъ имуществомъ. Здѣсь уже привыкли къ тому, что дѣти, едва они станутъ работоспособными, т. е. достигнутъ девятилѣтняго возраста, начинаютъ тратить свой заработокъ исключительно на себя, смотрятъ на отцовскій домъ только какъ на харчевню и уплачиваютъ родителямъ извѣстную сумму за харчи и квартиру. Да развѣ можетъ быть иначе? Развѣ можно было ожидать другого слѣдствія той разобщенности интересовъ, которая лежитъ въ основѣ свободы торговли? Разъ какой нибудь принципъ проводится въ жизнь, то уже само собой возникаютъ всѣ его слѣдствія, все равно нравится ли это экономистамъ или нѣтъ.

Но экономистъ не сознаетъ, какому дѣлу онъ служитъ. Онъ не знаетъ того, что и онъ со всѣми своими эгоистическими мудрствованіями составляетъ только одно звено въ цѣпи общаго прогресса всего человѣчества. Онъ не познаетъ того, что уничтожая частные интересы, онъ

только прокладываетъ путь къ великому перевороту, навстрѣчу которому идетъ вѣкъ, прокладываетъ путь къ примиренію человѣчества съ природой и съ самимъ собою.

* * *

Одной изъ первыхъ категорій, обусловленныхъ торговлей, является цѣнность. Она, какъ и всѣ другія категоріи, не возбуждала разногласій между старыми экономистами и ихъ ближайшими послѣдователями, потому что монополисты были увлечены своей жаждой къ обогащенію и не имѣли времени заниматься разсужденіями о категоріяхъ. Всякіе споры о подобныхъ матеріяхъ исходили отъ экономистовъ новѣйшей школы.

Экономистъ, запутавшійся въ противорѣчіяхъ, конечно, сочинилъ себѣ и двойную цѣнность, абстрактную или реальную цѣнность и мѣновую цѣнность. О сущности реальной цѣнности возникъ длиннѣйшій споръ между англичанами, которые въ издержкахъ производства видѣли выраженіе реальной цѣнности, и между французомъ Сэемъ, который предлагалъ опредѣлять цѣнность вещи по степени ея полезности. Спортъ этотъ велся съ начала 19-го вѣка и теперь затихъ, но не рѣшенъ еще окончательно. Экономисты не могли притти ни къ какому рѣшенію.

Итакъ, англичане, и изъ нихъ главнымъ образомъ Макъ-Куллохъ и Рикардо, утверждаютъ, что абстрактная цѣнность какой либо вещи опредѣляется издержками ея производства. Разумѣется, здѣсь рѣчь идетъ объ абстрактной, а не мѣновой цѣнности, не объ exchangeable value, не о торговой цѣнности. Мѣновая цѣнность это совершенно другое понятіе. Почему же издержки производства являются мѣриломъ цѣнности? А потому что—послушайте только!—потому что никто при обычныхъ условіяхъ, если исключить роль конкурренціи, не продастъ вещи де-

шевле, чѣмъ стоило ему ея производство. Не продастъ? При чемъ тутъ „продажа“ разъ рѣчь идетъ не о торговой цѣнности? Тутъ сразу въ дѣло снова вмѣшалась торговля. И какая торговля! Торговля, при которой въ расчетъ не принимается ея главная особенность—конкурренція. Раньше дѣло шло объ абстрактной цѣнности, теперь идетъ рѣчь уже объ абстрактной торговлѣ, о торговлѣ безъ конкурренціи, а это все равно, что говорить о человѣкѣ безъ тѣла, о мысли рожденной безъ участія мозга. Неужели экономистъ не сообразилъ, что если устранить конкурренцію, то исчезнетъ гарантія того, что производитель продастъ свой товаръ какъ разъ по цѣнѣ своихъ издержекъ производства. Вы видите, какое смѣшеніе понятій кроется въ этомъ разсужденіи!

Далѣе! Допустимъ на мгновеніе, что все обстоитъ такъ, какъ говоритъ экономистъ. Предположимъ, что кто нибудь съ большими усиліями и огромными затратами произвелъ совершенно безполезную вещь, въ которой никто не нуждается. Неужели цѣнность этой вещи тоже будетъ равна издержкамъ ея производства? «Нѣтъ», отвѣчаетъ экономистъ, «развѣ для такой вещи найдется покупатель?».

Въ такомъ случаѣ, разъ рѣчь идетъ о куплѣ, намъ при опредѣленіи цѣнности теперь придется принимать въ расчетъ уже не только столь прославленную Сэемъ полезность, но и отношенія о конкурренціи. Экономистъ не можетъ ни на мгновеніе сохранить свою абстракцію. Не только то, отъ чего онъ съ такимъ трудомъ старается избавиться, т. е. конкурренція, но и то, что онъ оспариваетъ, а именно полезность вещи, ежеминутно впутываются въ его разсужденія. Абстрактная цѣнность и ея опредѣленіе издержками производства являются только абстракціями, безсмыслицами.

Но согласимся еще на мгновеніе съ экономистомъ, и спросимъ, какимъ же образомъ онъ опредѣлитъ издержки производства, если не приметъ въ расчетъ конкурренцію? При изслѣдованіи вопроса объ издержкахъ производства, мы увидимъ, что и эта категорія зиждется на конкурренціи и въ этомъ случаѣ снова убѣдимся въ томъ, что экономистъ не въ силахъ доказать положенія, которыя онъ выставилъ.

Возвращаясь къ Сэю, мы у него находимъ ту же абстракцію. Полезность вещи есть нѣчто совершенно субъективное и не поддающееся опредѣленію, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, покуда человѣкъ путается въ противорѣчіяхъ. По этой теоріи предметы первой необходимости должны были бы обладать большей цѣнностью, чѣмъ предметы роскоши. Вѣдь при господствѣ частной собственности болѣе или менѣе объективное и общее опредѣленіе большей или меньшей полезности какой-нибудь вещи, возможно только въ томъ случаѣ, если будутъ приняты въ соображеніе отношенія конкурренціи, а какъ разъ они должны быть оставлены безъ вниманія. Но если мы примемъ въ расчетъ отношенія конкурренціи, то придется имѣть дѣло и съ издержками производства, потому что никто не продастъ вещи дешевле, чѣмъ стоитъ ему производство. И здѣсь поневолѣ одно противорѣчіе переходитъ въ другое.

Попытаемся разобраться въ этой путаницѣ. Цѣнность какой-либо вещи вмѣщаетъ въ себѣ оба фактора, которые насильно, и, какъ мы видѣли, безуспѣшно были разрознены спорящими сторонами. Цѣнность есть отношеніе издержекъ производства къ полезности вещи. Вопросъ о цѣнности прежде всего выступаетъ на сцену тогда, когда рѣшается вопросъ о томъ, должна ли вообще производиться данная вещь, т. е. оказывается ли въ

сравненіи съ издержками производства перевѣсъ на сторонѣ полезности вещи. Только послѣ рѣшенія этого вопроса можетъ итти рѣчь о роли цѣнности въ процессѣ обмѣна. Если издержки производства двухъ вещей одинаковы, то рѣшающимъ моментомъ при опредѣленіи ихъ сравнительной цѣнности явится полезность ихъ.

Такое сужденіе является единственно справедливой основой для обмѣна. Но если исходить изъ такой точки зрѣнія, то что должно рѣшить вопросъ о полезности вещи? Мнѣніе ли сторонъ, участвующихъ въ обмѣнѣ? Нѣтъ, потому что тогда одинъ изъ участниковъ обмѣна, навѣрное, окажется обманутымъ. А, можетъ быть, при опредѣленіи полезности, присущей данной вещи, долженъ играть роль какой нибудь мотивъ, независящій отъ заинтересованныхъ въ обмѣнѣ сторонъ, и мотивъ имъ неизвѣстный? Но въ такомъ случаѣ обмѣнъ можетъ совершится только насильно, и тогда обѣ стороны будутъ считать себя обманутыми. Не устранивъ частной собственности, невозможно устранить этого противорѣчія между дѣйствительной полезностью вещи и опредѣленіемъ ея полезности, между опредѣленіемъ полезности и свободой лицъ, участвующихъ въ обмѣнѣ. А разъ частная собственность будетъ устранена, то не будетъ и рѣчи объ обмѣнѣ въ той формѣ какъ онъ теперь существуетъ. Примѣненіе понятія о цѣнности на практикѣ будетъ тогда ограничиваться, главнымъ образомъ, областью вопросовъ, касающихся производства, а это и есть, собственно, сфера ея дѣйствія.

Каково же теперь положеніе вещей? Мы видѣли, что понятіе цѣнности было насильно разрознено, и, что отдѣльныя части его выдавались за цѣлое. Издержки производства, уже съ самаго начала затемненныя конкурренціей, сходили за самую цѣнность. То же слѣдуетъ сказать и о чисто субъективномъ—инымъ оно въ

настоящее время не можетъ быть—понятіи о полезности вещи. Чтобы какъ нибудь исправить эти изуродованныя опредѣленія, приходится въ обоихъ случаяхъ призвать на помощь конкурренцію. А самое прелестное при этомъ, что у англичанъ мѣсто полезности замѣняетъ конкурренція, введенная въ противовѣсъ издержкамъ производства, а у Сэя, наоборотъ, та же конкурренція, въ противовѣсъ полезности, вводитъ въ опредѣленіе цѣнности и издержки производства. Но что это за полезность и что за издержки производства! Полезность, о которой они толкуютъ, поставлена въ зависимость отъ случая, отъ моды, отъ каприза богатыхъ людей, а издержки производства, по ихъ мнѣнію, повышаются и понижаются въ случайной зависимости отъ спроса и предложенія.

Различіе между реальной и мѣновой цѣнностью они основываютъ на томъ, что цѣнность какой либо вещи отличается отъ такъ называемаго эквивалента, который уплачивается за нее въ торговлѣ, т. е. на томъ, что этотъ эквивалентъ вовсе не есть эквивалентъ. Этотъ такъ называемый эквивалентъ ееть не что иное, какъ цѣна вещи, и будь экономистъ честенъ, онъ употреблялъ бы слово «цѣна» вмѣсто слова «торговая цѣнность». Но вѣдь ему все еще приходится притворяться, будто цѣна, дѣйствительно, стоитъ хоть въ какой нибудь зависимости отъ цѣнности, чтобы не стала слишкомъ уже ясной безнравственность торговли. То, что цѣна опредѣляется взаимоотношеніемъ издержекъ производства и конкурренціи, совершенно правильно и составляетъ основной законъ частной собственности. Первое, что открылъ экономистъ и былъ этотъ чисто эмпирическій законъ. А уже отсюда онъ путемъ абстракціи вывелъ свою реальную цѣнность, т. е. цѣну вещи въ то время, когда установились отношенія конкурренціи, когда спросъ и предложеніе покрываютъ другъ друга, и, когда приходится

принимать во вниманіе только издержки производства. Ихъ то экономистъ и называетъ реальной цѣнностью, между тѣмъ какъ онѣ есть только моментъ, опредѣляющій цѣну вещи. Но такъ уже все въ ихъ политической экономіи перевернуто вверхъ дномъ! Цѣнность, составляющая первичный элементъ и источникъ цѣны, ставится въ зависимость отъ послѣдней, т. е. отъ своего производнаго. Какъ извѣстно, такія превращенія составляютъ сущность абстракціи, о чемъ можно справиться у Фейербаха.

* * *

По мнѣнію экономистовъ, издержки производства какого нибудь товара составляются изъ трехъ элементовъ: изъ земельной ренты, уплачиваемой за кусокъ земли, необходимый для производства сырого матеріала, и капитала съ его прибылью и изъ платы за трудъ, который былъ необходимъ для производства и обработки сырого матеріала. Но тутъ же обнаруживается, что капиталъ и трудъ, по мнѣнію экономистовъ, идентичны, потомъ они сами признаются въ томъ, что смотрятъ на капиталъ, какъ на «накопленный трудъ». И такъ у насъ остаются только два элемента: естественный и субъективный; естественный элементъ — земля и человѣческій, субъективный—трудъ, который включаетъ въ себѣ капиталъ. Но вѣдь кромѣ капитала есть еще нѣчто третье, чего экономистъ не принимаетъ въ расчетъ,—я говорю о духовномъ элементѣ изобрѣтенія, о мысли рядомъ съ физическимъ элементомъ простого труда. Но что за дѣло экономисту до творческаго духа? Развѣ ему не достались всѣ изобрѣтенія безъ всякихъ съ его стороны усилій? Развѣ ему стоило что нибудь хоть одно изъ нихъ? Чего же ему думать о нихъ при опредѣленіи его издержекъ производства?

Условіями его богатства являются земля, капиталъ и трудъ, а до прочаго ему дѣла нѣтъ. Наука его не интересуетъ. Что ему за дѣло до того, черезъ Бертоллэ ли, Дави, Либиха, Уатта, или Картвича дошли до него дары науки, которые послужили къ его преуспѣянію и преуспѣянію его производства? Этого онъ не принимаетъ въ расчетъ, прогрессъ науки не входитъ въ его цифровыя выкладки. Но при разумномъ порядкѣ вещей и духовный элементъ будетъ присоединенъ къ элементамъ производства и найдетъ свое мѣсто въ политической экономіи на ряду съ издержками производства. И тогда будетъ пріятно узнать, насколько культивированіе науки вознаграждается матеріально, пріятно будетъ сознавать, что одинъ какой нибудь плодъ науки, вродѣ паровой машины Джемса Уатта, за первые 50 лѣтъ своего существованія принесъ міру гораздо больше, чѣмъ міръ съ самаго начала потратилъ на разработку научныхъ истинъ.

Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ дѣйствіемъ двухъ элементовъ производства, съ дѣйствіемъ природы и дѣйствіями человѣка. Дѣятельность же человѣка проявляется какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Теперь мы можемъ вернуться обратно къ экономисту и его издержкамъ производства.

* *
*

«Все, что не можетъ быть монополизировано, не имѣетъ цѣнности», говоритъ экономистъ. Положеніе это мы позже изслѣдуемъ подробнѣе. Если мы говоримъ— «не имѣетъ никакой цѣны», то это вѣрно относительно общественныхъ условій, покоящихся на частной собственности. Если бы землю можно было такъ же легко достать, какъ воздухъ, то ни одинъ человѣкъ не платилъ бы земельной ренты. Но дѣло такъ не обстоитъ и въ каждомъ

отдѣльномъ случаѣ пользованіе землей ограничено извѣстными предѣлами. Поэтому платятъ ренту за захваченную, т. е. монополизированную землю, или же уплачиваютъ за нее покупную ея цѣну. Послѣ этой справки о возникновеніи земельной цѣнности странно слышать отъ экономиста, что земельная рента есть разница между доходомъ лица, платящаго ренту, и доходомъ съ наихудшей земли, которую стоитъ обрабатывать. Извѣстно, что впервые Рикардо вполнѣ развилъ это опредѣленіе земельной ренты. Это опредѣленіе съ практической точки зрѣнія правильно, если предположить, что уменьшеніе спроса немедленно же отзывается на земельной рентѣ и вслѣдствіе этого тотчасъ же прекращается обработка соотвѣтствующаго количества самой худшей изъ обрабатываемой земли. Но этого не бываетъ, и опредѣленіе, данное Рикардо, недостаточно. Къ тому же оно не заключаетъ въ себѣ обоснованія земельной ренты. Полковникъ Т. Томпсонъ, въ противовѣсъ этому опредѣленію, возобновилъ и обосновалъ опредѣленіе, данное Адамомъ Смитомъ. По его мнѣнію, земельная рента выражаетъ собой отношеніе между конкурренціей лицъ, добивающихся обработки земли, и ограниченнымъ количествомъ свободной земли. Въ этомъ опредѣленіи, по крайней мѣрѣ, замѣтно указаніе на возникновеніе земельной ренты; но и въ немъ пропущенъ моментъ различнаго плодородія земли, какъ въ прежнемъ опредѣленіи былъ упущенъ моментъ конкурренціи.

Передъ нами снова два одностороннихъ, а потому и половинчатыхъ опредѣленія предмета. Намъ придется сдѣлать то же, что и при опредѣленіи понятія о цѣнности, т. е. соединить элементы обоихъ опредѣленій, чтобы получить правильное, соотвѣтствующее развитію предмета и поэтому практически полное опредѣленіе. Земельная

рента есть соотношеніе между доходностью земли, т. е. естественнымъ моментомъ (который въ свою очередь распадается на природное начало и человѣческую обработку, т. е. трудъ, приложенный для улучшенія почвы) и моментомъ, зависящимъ отъ человѣка, конкурренціей. Пусть экономисты покачиваютъ головами, слыша это «опредѣленіе». Они къ своему ужасу увидятъ, что оно заключаетъ въ себѣ все, относящееся къ данному предмету.

Землевладѣлецъ ни въ чемъ не можетъ упрекнуть купца.

Монополизируя землю, онъ также присваиваетъ себѣ чужое, какъ и купецъ. Онъ присваиваетъ себѣ чужое потому, что эксплуатируетъ въ свою пользу ростъ населенія, повышающій конкурренцію и вмѣстѣ съ тѣмъ и доходность его участка земли; онъ превращаетъ въ источникъ личной выгоды то, что возникло не въ силу его личнаго труда и совершенно случайно попало къ нему въ руки. Онъ грабитъ, когда отдастъ свою землю въ аренду, потому что, въ концѣ концовъ, онъ присваиваетъ себѣ тѣ улучшенія, которыя произвелъ его арендаторъ. Въ этомъ и заключается тайна безпрерывнаго роста богатства крупныхъ землевладѣльцевъ.

Не нами установлены положенія, въ силу которыхъ способъ пріобрѣтенія, характерный для землевладѣльца, можно отожествить съ грабежомъ. Не отъ насъ исходило утвержденіе, что каждый имѣетъ право только на продуктъ своего труда и, что никто не имѣетъ права пожинать плоды тамъ, гдѣ онъ не сѣялъ. Вѣдь первое положеніе исключаетъ обязанность воспитывать своихъ дѣтей, а второе исключаетъ право поколѣній на существованіе, потому что каждое поколѣніе вступаетъ во владѣніе наслѣдіемъ предыдущаго поколѣнія. Эти положенія скорѣе всего необходимо поставить въ вину частной собственности.

Нужно одно изъ двухъ: или доводить до конца всѣ вытекающія изъ частной собственности слѣдствія, или же отказаться отъ нея, какъ отъ предпосылки.

Даже первоначальное присвоеніе стараются оправдать тѣмъ, что еще раньше существовало общее право владѣнія. Частная собственность во всѣхъ случаяхъ приводитъ насъ къ противорѣчіямъ.

Торговля землею, этимъ единственнымъ благомъ принадлежащимъ всѣмъ, благомъ, которое составляетъ первое условіе нашего существованія, была послѣднимъ шагомъ къ тому, чтобы начать торговлю собой и своей личностью. Это было безнравственно и до нашихъ дней остается безнравственнымъ, остается такою низостью, хуже которой будетъ только торговля самимъ собою. И первоначальное присвоеніе, монополизація земли небольшимъ кругомъ людей, лишеніе другихъ людей этого условія ихъ существованія, съ точки зрѣнія нравственности, ни въ чемъ не уступаетъ позднѣйшей торговлѣ землей.

Если мы и въ этомъ случаѣ откажемся отъ принципа частной собственности, то земельная рента сведется къ своей истинной сущности, и тогда возможенъ будетъ разумный взглядъ на нее. Оторванная отъ земли, въ качествѣ земельной ренты, цѣнность вернется къ землѣ. Эта цѣнность,—которую слѣдуетъ измѣрять продуктивностью одинаковыхъ площадей при одинаковой затратѣ на нихъ труда,—при опредѣленіи цѣнности продуктовъ земли входитъ, конечно, въ издержки производства въ видѣ опредѣленной части. Эта цѣнность, какъ и земельная рента, представляетъ собою соотношеніе между продуктивностью и конкурренціей, но конкурренціей истинной, которая разовьется въ свое время.

*
* *

Мы видѣли, что у экономистовъ капиталъ и трудъ съ самаго начала идентичны. Далѣе, мы изъ положеній, развиваемыхъ самими экономистами, видимъ, что капиталъ, какъ результатъ труда, въ процессѣ производства тотчасъ же снова превращается въ матеріалъ для труда, т. е., что отдѣлить капиталъ отъ труда можно только на мгновеніе и что все сейчасъ же снова сводится къ единству обоихъ. И несмотря на это, экономистъ все-таки продолжаетъ придерживаться раздвоенія этихъ понятій, признавая при этомъ единство обоихъ понятій только въ томъ смыслѣ, что капиталъ есть «накопленный трудъ».

Основанное на принципѣ частной собственности отдѣленіе капитала отъ труда есть не что иное, какъ раздвоеніе и самого труда. И произведя раздвоеніе, экономисты снова дѣлятъ капиталъ на первоначальный капиталъ и на прибыль, на приростъ капитала, получающійся въ процессѣ производства, хотя на практикѣ прибыль тотчасъ же прибавляется къ капиталу и пускается вмѣстѣ съ нимъ въ оборотъ. Даже самая прибыль снова разбивается на проценты и на собственно прибыль. Въ отношеніи процентовъ неразумность этихъ дѣленій доведена до крайности. Хотя ростовщичество и лежитъ въ характерѣ частной собственности, но оно слишкомъ явно обнаруживаетъ свои свойства и непредубѣжденное народное сознаніе, которое въ такихъ случаяхъ обыкновенно право, давно признало безнравственнымъ отдачу денегъ въ ростъ, полученіе прибыли безъ приложенія своего труда, только за то, что деньги отданы взаймы.

Всѣ эти тонкія различія и дѣленія возникаютъ, какъ слѣдствіе первоначальнаго отдѣленія капитала отъ труда. Завершеніемъ же этого дѣленія является раздѣле-

ніе человѣчества на капиталистовъ и рабочихъ, раздѣленіе, которое съ каждымъ днемъ проводится всѣ рѣзче и рѣзче и которое, какъ мы увидимъ ниже, должно будетъ все усиливаться. Но въ концѣ концовъ, также невозможно провести на практикѣ это отдѣленіе капитала отъ труда, какъ и уже разсмотрѣнное нами отдѣленіе земли отъ капитала и труда. Невозможно опредѣлить, какъ велико участіе земли, капитала и труда въ какомъ либо продуктѣ. Эти три величины несоизмѣримы. Земля создаетъ сырой матеріалъ при участіи капитала и труда, капиталъ предполагаетъ участіе земли и труда, а трудъ предполагаетъ, по крайней мѣрѣ, участіе земли, а въ большинствѣ случаевъ и капитала. Дѣйствіе этихъ трехъ моментовъ совершенно различно, и нѣтъ четвертой какой нибудь общей мѣры, благодаря которой можно было бы ихъ измѣрить. Итакъ, хотя при современныхъ условіяхъ и происходитъ распредѣленіе прибыли между этими тремя элементами, все же нѣтъ никакой мѣры, присущей имъ всѣмъ, и распредѣленіе обусловливается чуждой имъ случайной мѣркой: конкурренціей,—или же производится на основаніи права болѣе сильнаго.

Земельная рента вызываетъ участіе конкурренціи, прибыль на капиталъ опредѣляется единственно конкурренціей, а какъ дѣло обстоитъ съ заработной платой, мы сейчасъ увидимъ.

Если мы отвергнемъ частную собственность, то падутъ и всѣ эти неестественныя дѣленія. Падетъ разница между процентами и прибылью, и капиталъ безъ участія труда не будетъ имѣть никакого значенія. Значеніе прибыли зависитъ отъ роли капитала въ издержкахъ производства, и прибыль такимъ образомъ присуща капиталу, но самъ капиталъ стоитъ въ неразрывной связи съ трудомъ.

*
* *

Экономисты мало церемонятся съ трудомъ, этимъ главнымъ элементомъ производства, «источникомъ богатства», свободной человѣческой дѣятельностью. Точно такъ же, какъ они отдѣлили капиталъ отъ труда, такъ они раздробили и трудъ. Продуктъ труда противоставляется труду въ видѣ вознагражденія за него, отдѣляется отъ труда и обычнымъ порядкомъ опредѣляется конкурренціей, потому что не существуетъ, какъ мы уже видѣли, установленной мѣры для опредѣленія участія труда въ производствѣ. Когда мы отвергаемъ частную собственность, тогда уничтожается и это неестественное дробленіе. Трудъ тогда самъ въ себѣ воплощаетъ свою оплату, и тогда становится яснымъ истинное значеніе прежде отчужденной заработной платы: обнаруживается роль труда при опредѣленіи издержекъ производства на какой либо предметъ.

*
* *

Мы видѣли, что пока существуетъ частная собственность, все сводится къ конкурренціи. Конкурренція—главная категорія экономиста, его любимое дѣтище, которое онъ безъ конца балуетъ и ласкаетъ. Обратите однако вниманіе на то, какая змѣиная голова у этого любимца экономиста.

Ближайшимъ слѣдствіемъ частной собственности явилось дѣленіе производства на двѣ противоположныя категоріи: на производство, зависящее отъ природы и производство, зависящее отъ человѣка. Мы имѣли дѣло съ одной стороны съ землей, которая не будучи оплодотворена руками человѣка, будетъ мертва и безплодна, а съ другой стороны передъ нами была дѣятельность человѣка, для которой первымъ условіемъ является именно земля.

Мы далѣе видѣли, что человѣческая дѣятельность въ свою очередь разложилась на трудъ и на капиталъ и что трудъ и капиталъ стали во враждебныя другъ къ другу отношенія. Мы видѣли взаимную борьбу этихъ трехъ элементовъ—земли, капитала и труда—вмѣсто взаимной ихъ поддержки. Теперь прибавляется еще то, что частная собственность вызываетъ и дробленіе каждаго изъ этихъ элементовъ. Одинъ земельный участокъ конкуррируетъ съ другимъ, капиталъ конкуррируетъ съ капиталомъ, рабочая сила—съ рабочей силой потому, что частная собственность изолируетъ каждое отдѣльное лицо съ его грубыми инстинктами и потому, что каждое лицо имѣетъ тѣ же интересы, что и его сосѣдъ; одинъ землевладѣлецъ враждуетъ съ другимъ землевладѣльцемъ, капиталистъ съ капиталистомъ, а рабочій со своимъ собратомъ. Эта взаимная враждебность лицъ съ одинаковыми интересами, враждебность, возникающая именно изъ за общности интересовъ, представляетъ собой крайнее выраженіе безнравственности современнаго состоянія человѣчества. Проявляется же эта вражда въ конкурренціи.

* * *

Противоположностью конкурренціи является монополія. Монополія была боевымъ кличемъ меркантилистовъ, конкурренція—кличемъ либеральныхъ экономистовъ. Нетрудно убѣдиться въ томъ, что эта противоположность, въ сущности говоря, представляетъ собой пустой звукъ. Каждое лицо, участвующее въ конкурренціи, должно желать монополіи, все равно, будетъ ли это лицо рабочимъ, капиталистомъ или земледѣльцемъ. Каждый маленькій союзъ лицъ, участвующихъ въ конкурренціи, неизбѣжно стремится къ монополіи, въ противовѣсъ другимъ конкуррентамъ. Стремленіе къ выгодѣ лежитъ въ основѣ

конкурренціи, и это же стремленіе вызываетъ монополію; короче сказать, конкурренція стремится перейти въ монополію. Съ другой стороны, монополія не въ силахъ остановить потока конкурренціи. Она даже сама вызываетъ конкурренцію. Такъ, напр., запрещеніе ввоза въ страну какого нибудь предмета или установленіе высокой пошлины на него вызываетъ конкурренцію въ видѣ контрабанды.

Конкурренція заключаетъ въ себѣ тѣ же самыя противорѣчія, что и частная собственность. Каждому отдѣльному лицу выгодно владѣть всѣмъ, но обществу выгодно, чтобы всѣ владѣли въ одинаковой мѣрѣ. Такимъ образомъ интересы общества и индивидуума діаметрально противоположны. Внутреннее противорѣчіе конкурренціи заключается въ томъ, что каждому приходится желать для себя монополіи, между тѣмъ какъ общество въ цѣломъ теряетъ при существованіи монополіи, и должно поэтому устранять ее. Болѣе того, конкурренція заранѣе предполагаетъ существованіе монополіи, именно монополіи собственности (въ этомъ отношеніи снова проявляется лицемѣріе либеральныхъ экономистовъ), и покуда существуетъ монополія собственности, до тѣхъ поръ одинаково справедлива и собственность монополіи, потому что разъ данная монополія тоже составляетъ собственность. Что за жалкая, половинчатая политика: нападать на мелкія монополіи и при этомъ допускать существованіе основной монополіи! И если мы сюда еще прибавимъ вышеупомянутое положеніе экономистовъ, согласно которому то, что не можетъ быть монополизировано, не составляетъ никакой цѣнности, т. е. то, что не допускаетъ возможности монополизаціи, не можетъ принять участіе въ борьбѣ конкурренціи, тогда совершенно оправдается наше утвержденіе, что конкурренція заранѣе предполагаетъ монополію.

* * *

Законъ конкурренціи гласитъ, что спросъ и предложеніе всегда стремятся дополнить другъ друга и никогда не могутъ осуществить своего стремленія. Оба эти момента, спросъ и предложеніе, тоже разъединены и превращены въ крайнее противорѣчіе. Предложеніе постоянно слѣдуетъ сейчасъ же за спросомъ, но никогда не можетъ точно покрыть его. Предложеніе всегда либо слишкомъ велико, либо слишкомъ мало и никогда не соотвѣтствуетъ спросу, потому что при современномъ, безсознательномъ въ этомъ отношеніи состояніи человѣчества ни одинъ человѣкъ не знаетъ, какъ велики спросъ или предложеніе. Если спросъ больше предложенія, то цѣна повышается, а это, въ свою очередь, вызываетъ предложеніе. Лишь только предложеніе появляется на рынкѣ, падаютъ цѣны и, если предложеніе оказывается больше спроса, то паденіе цѣнъ становится настолько значительнымъ, что это въ свою очередь возбуждаетъ спросъ. Процессъ этотъ развивается безпрерывно. Никогда нѣтъ нормальнаго состоянія, а есть постоянное чередованіе состоянія возбужденія и состоянія изнеможенія, исключающее возможность всякаго прогресса, вѣчное колебаніе безъ того, чтобы когда либо придти къ цѣли. Экономистъ находитъ удивительно прекраснымъ этотъ законъ съ его постояннымъ уравниваніемъ, законъ при которомъ потерянное въ одномъ мѣстѣ возмѣщается въ другомъ. Этимъ закономъ экономистъ постоянно бахвалится и не можетъ имъ налюбоваться. Онъ изслѣдуетъ его во всѣхъ возможныхъ и не возможныхъ отношеніяхъ. И не смотря на все это ясно, что этотъ законъ есть законъ чисто естественный, что это не законъ, измышленный умомъ экономиста. Это законъ, который обусловливаетъ ужасающіе перевороты. Экономистъ является со своей прекрасной теоріей спроса и предложенія и начинаетъ вамъ

доказывать, что «никогда не можетъ быть произведено слишкомъ много», а жизнь отвѣчаетъ ему на это торговыми кризисами, которые появляются такъ же регулярно, какъ кометы, и которые у насъ теперь повторяются приблизительно каждые пять-семь лѣтъ. Эти торговые кризисы въ теченіе послѣднихъ восьмидесяти лѣтъ появляются у насъ такъ же регулярно, какъ прежде появлялить грозныя эпидеміи, и влекутъ за собой большую нищету и большій развратъ, чѣмъ послѣднія.

Понятно, что эти торговыя революціи подтверждаютъ законъ, подтверждаютъ его вполнѣ, но совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ хотѣлось бы насъ увѣрить экономисту. Что слѣдуетъ думать о законѣ, который можетъ проявляться только рядомъ періодическихъ переворотовъ? Только то, что онъ—законъ природы, покоющійся на безсознательномъ отношеніи участниковъ къ дѣйствительности. Если бы производители знали, сколько нужно потребителямъ, если бы они организовали производство и распредѣлили его между собой, тогда невозможны были бы колебаніе конкурренціи и ея наклонность къ кризисамъ. Производите сознательно, какъ люди, а не какъ разрозненные атомы, лишенные сознанія, и вы подыметесь надъ всѣми этими искусственными и слабыми противорѣчіями. Но пока вы будете продолжать производство такимъ безсознательнымъ, безсмысленнымъ, подверженнымъ случайностямъ образомъ, до тѣхъ поръ будутъ существовать торговые кризисы. И каждый послѣдующій кризисъ охватитъ большіе круги общества, чѣмъ предыдущій, и будетъ поэтому ужаснѣе. Каждый новый кризисъ будетъ разорять все большее и большее число мелкихъ капиталистовъ и увеличивать классъ людей, живущихъ исключительно трудомъ, т. е. будетъ значительно увеличивать количество свободнаго труда, ищущаго приложенія къ про-

изводству, и наконецъ приведетъ къ соціальному перевороту, который даже и во снѣ не снился нашимъ мудрымъ экономистамъ.

Постоянныя колебанія цѣнъ, вызванныя конкурренціей, изгоняютъ въ области торговли послѣдніе слѣды нравственности. О цѣнности больше нѣтъ и рѣчи. Та же самая система, которая считала цѣнность такою важной, которая даровала честь самостоятельнаго существованія абстракціи цѣнности въ видѣ денегъ, та же самая система, благодаря конкурренціи, разрушаетъ всякую постоянную цѣнность и ежедневно и ежечасно измѣняетъ отношенія цѣнности всѣхъ вещей. Какъ же возможенъ въ этомъ водоворотѣ обмѣнъ, покоющійся на основахъ нравственности? При этомъ безпрерывномъ повышеніи и пониженіи цѣнъ каждый принужденъ искать благопріятнаго момента для купли и продажи, каждый поневолѣ становится спекулянтомъ, пожинающимъ то, что онъ не сѣялъ— человѣкомъ, обогащающимся, благодаря потерямъ другихъ людей и спекулирующимъ на несчастія другихъ, человѣкомъ, ищущимъ использовать всякій случай для наживы. Спекулянтъ постоянно строитъ свои расчеты на чужихъ несчастіяхъ, особенно на неурожаяхъ. Безнравственность торговли съ особой ясностью проявляется въ биржевой спекуляціи, съ точки зрѣнія которой исторія и даже само человѣчество являются только орудіями, служащими средствомъ для удовлетворенія корыстолюбія азартнаго спекулянта. Напрасно честные и солидные купцы съ такимъ фарисействомъ сокрушаются объ игрѣ на биржѣ. Они сами не лучше биржевыхъ спекулянтовъ. Они такъ же спекулируютъ, какъ тѣ. И имъ приходится спекулировать. Конкурренція принуждаетъ ихъ къ этому и ихъ торговля, слѣдовательно, такъ же безнравственна, какъ спекуляція на биржѣ. Истинная конкурренція дол-

жна выражаться въ соотвѣтствіи между потребительными и производительными силами. При общественныхъ условіяхъ, подобающихъ человѣчеству, другой конкурренціи вовсе не будетъ. Община заранѣе будетъ расчитывать, что она можетъ произвести при помощи находящихся въ ея распоряженіи средствъ. Сообразуясь со своей производительной силой и съ числомъ потребителей, она будетъ опредѣлять, насколько она должна повышать или понижать производство, насколько она должна потворствовать роскоши или ограничивать ее. А чтобы получить правильное понятіе о возможности разумнаго устройства общества и о повышеніи продуктивной силы, котораго должно ожидать при разумныхъ условіяхъ жизни общества, чтобы получить обо всемъ этомъ представленіе, пусть мои читатели обратятся къ сочиненіямъ англійскихъ соціалистовъ, а отчасти и къ Фурье.

Субъективная конкурренція, борьба капитала съ капиталомъ, труда съ трудомъ и т. п. при этихъ условіяхъ сведется къ соревнованію, лежащему въ основѣ человѣческаго характера и указанному уже у Фурье. И послѣ уничтоженія противоположности интересовъ это соревнованіе ограничится свойственной ему разумной сферой дѣйствія.

* * *

Борьба капитала съ капиталомъ, труда съ трудомъ, борьба землевладѣльческихъ капиталовъ между собой доводитъ производство до лихорадочнаго состоянія, при которомъ становятся немыслимыми нормальныя и разумныя отношенія. Никакой капиталъ не можетъ выдержать конкурренціи съ другимъ капиталомъ, если онъ не развиваетъ своей дѣятельности до крайняго напряженія. Ни одинъ участокъ земли не можетъ быть съ поль-

зой обрабатываемъ, если его производительная сила не повышается безпрерывно. Ни одинъ рабочій не можетъ выдержать конкурренціи своихъ товарищей, если онъ не посвятитъ всѣхъ своихъ силъ работѣ. Вообще, ни одинъ человѣкъ, вступившій на путь конкурренціи, не можетъ выдержать борьбы, не напрягая до крайности своихъ силъ и не отказываясь отъ всѣхъ истинно человѣческихъ идеаловъ. Слѣдствіемъ такого чрезмѣрнаго напряженія силъ въ одной области является крайнее истощеніе въ другой. Если же колебанія конкурренціи становятся незначительными, если спросъ и предложеніе, потребленіе и производство почти покрываютъ другъ друга, то въ развитіи производства долженъ наступить моментъ, когда окажется излишекъ производительной силы и огромная масса народа не будетъ имѣть, чѣмъ жить, люди будутъ голодать вслѣдствіе избытка. Именно въ такомъ безсмысленномъ и абсурдномъ положеніи Англія находится уже довольно продолжительное время. Когда же производство начинаетъ сильнѣе колебаться, что неизбѣжно при современномъ положеніи вещей, тогда начинаютъ чередоваться періоды расцвѣта и періоды кризисовъ, перепроизводство и застой. Экономистъ никогда толкомъ не умѣлъ объяснить себѣ такого страннаго положенія вещей. Для объясненія онъ выдумалъ теорію населенія, которая такъ же безмысленна, или даже еще болѣе безсмысленна, чѣмъ господствующее въ наше время противорѣчіе между богатствомъ и нищетой. Экономистъ не въ состояніи былъ уразумѣть правду Онъ не могъ сознаться, что это противорѣчіе является прямымъ слѣдствіемъ конкурренціи, потому что въ такомъ случаѣ рушилась бы вся созданная имъ система.

Намъ же нетрудно все это объяснить. Находящаяся въ распоряженіи человѣчества производительная сила без-

мѣрна. При примѣненіи капитала, труда и научныхъ познаній можно до безконечности повысить доходность земли. По вычисленію лучшихъ экономистовъ и статистиковъ (см. Alison „Principle of Population", томъ I-ый, главы 1 и 2) «перенаселенную» Великобританію можно было бы въ теченіе 10 лѣтъ довести до того, что она производила бы хлѣба для населенія въ шесть разъ большаго, чѣмъ нынѣшнее. Капиталъ ежедневно умножается; рабочая сила выростаетъ вмѣстѣ съ населеніемъ, а наука съ каждымъ днемъ все больше и больше подчиняетъ силы природы человѣку. Если бы сознательно руководили этой безмѣрной производительностью для общаго блага, то необходимый человѣчеству трудъ въ скоромъ времени свелся бы до минимума, между тѣмъ какъ эта безмѣрная производительность, отданная во власть конкурренціи, совершаетъ все въ совершенно противоположномъ направленіи. Одна часть земли обрабатывается наилучшимъ образомъ въ то время, какъ остальная земля (а въ Великобританіи и Ирландіи такой земли есть до 30.000.000 акровъ) лежитъ необработанная. Часть капитала обращается съ неимовѣрной быстротой, между тѣмъ какъ другая часть лежитъ въ сундукахъ безъ движенія. Часть рабочихъ работаетъ по 14-ти и 16-ти часовъ въ сутки, между тѣмъ какъ другая часть тутъ же проводитъ время безъ дѣла и голодаетъ безъ работы. А то вдругъ случается, что все распредѣленіе нарушается: сегодня торговля идетъ прекрасно, спросъ очень великъ и всѣ находятъ себѣ работу, земледѣліе процвѣтаетъ, и рабочіе надрываютъ свои силы надъ работой, а завтра наступаетъ застой въ дѣлахъ, земледѣліе не вознаграждаетъ трудовъ, потраченныхъ на обработку почвы, огромные участки земли остаются необработанными, движеніе капитала прекращается, рабочіе не находятъ себѣ работы, и вся страна

страдаетъ отъ избытка богатства и излишка народонаселенія.

Экономистъ не можетъ признать правильной такую постановку вопроса; иначе онъ принужденъ былъ бы, какъ выше сказано, отказаться отъ всей своей системы конкурренціи. Ему пришлось бы сознаться въ неосновательности указаннаго имъ противорѣчія между производствомъ и потребленіемъ, между излишкомъ населенія и избыткомъ богатства. Но такъ какъ фактовъ невозможно отрицать, то, чтобы согласовать эти факты съ теоріей, экономистами была сочинена теорія населенія.

Авторъ этой теоріи, Мальтусъ, утверждаетъ, будто перенаселеніе находится въ тѣсной зависимости отъ средствъ существованія, будто въ той мѣрѣ, въ какой усиливается производство, увеличивается и народонаселеніе, и будто присущая народонаселенію тенденція—увеличиваться сверхъ существующихъ средствъ существованія—является причиной всяческой нищеты и пороковъ. Если-де налицо есть излишекъ людей, то онъ долженъ быть устраненъ тѣмъ или инымъ способомъ, будь то насильственное лишеніе жизни, или голодная смерть. Но не успѣетъ устраниться этотъ излишекъ и не успѣетъ появиться вакансія для новыхъ людей, какъ она будетъ уже заполнена новымъ излишкомъ, и, такимъ образомъ, наступитъ прежняя нужда. И такъ обстоитъ дѣло повсюду, при всякихъ условіяхъ—не только въ цивилизованномъ обществѣ, но и у дикарей. Дикари Новой Голландіи, гдѣ одинъ житель приходится на квадратную милю, будто такъ же точно страдаютъ отъ перенаселенія, какъ и англичане. Короче сказать, если мы будемъ послѣдовательны, придется сознаться, что земля была перенаселена уже тогда, когда на ней существовалъ всего только одинъ человѣкъ. А изъ этихъ разсужденій слѣдутъ, что

гакъ какъ излишними являются бѣдняки, то ничего другого не остается, какъ облегчать имъ всѣми способами возможность голоданія и убѣдить ихъ въ томъ, что ничего измѣнить въ этомъ порядкѣ немыслимо и что для всего ихъ класса единственное спасеніе заключается въ возможно меньшемъ размноженіи. А если это недостижимо, то лучше всего основать, какъ это предложено было «Маркусомъ» правительственное учрежденіе для безболѣзненнаго умерщвленія дѣтей бѣдняковъ. По предложенію «Маркуса», на каждую семью рабочаго должно приходиться не болѣе $2^1/_2$ дѣтей, а излишекъ долженъ быть безболѣзненно умерщвленъ. Раздача милостыни является преступленіемъ, такъ какъ поддерживаетъ приростъ излишняго населенія. Напротивъ, очень выгодно будетъ причислить бѣдность къ преступленіямъ и превратить богадѣльни въ исправительные дома, какъ это уже сдѣлано въ Англіи благодаря новому «либеральному» закону о нищихъ.

Неужели я долженъ еще дальше пояснять и развивать эту низкую и отвратительную теорію, издѣвающуюся и надъ природой и надъ человѣчествомъ? Въ этой теоріи яснѣе всего обнаружилась безнравственность экономистовъ. Что представляютъ собой въ сравненіи съ этой теоріей всѣ войны и всѣ ужасы, вызванные монопольной системой? А вѣдь эта доктрина есть заключительное слово либеральной системы свободы торговли и при своемъ паденіи она должна повлечь за собой паденіе всей этой системы. Вѣдь если доказано, что конкурренція въ данномъ случаѣ является причиной бѣдности, нищеты и пороковъ, то кто осмѣлится еще встать на ея защиту?

Алисонъ въ вышеупомянутомъ своемъ произведеніи расшаталъ теорію Мальтуса, указавъ на продуктивность

земли и выставивъ въ противовѣсъ Мальтусовскому принципу тотъ фактъ, что каждый взрослый человѣкъ способенъ производить больше, чѣмъ онъ потребляетъ. Не будь этого, человѣчество не только не имѣло бы возможности размножаться, но даже не имѣло бы возможности существовать. Откуда брало бы средства къ жизни подрастающее поколѣніе? Однако Алисонъ не доходитъ въ своихъ разсужденіяхъ до конца и поэтому въ концѣ концовъ приходитъ къ тѣмъ же выводамъ, что и Мальтусъ. Хотя онъ и доказываетъ, что принципъ Мальтуса неправиленъ, но не можетъ опровергнуть тѣхъ фактовъ, въ силу которыхъ Мальтусъ пришелъ къ своимъ выводамъ.

Если бы Мальтусъ не смотрѣлъ на вещи односторонне, онъ долженъ былъ бы замѣтить, что излишекъ населенія постоянно связанъ съ излишкомъ богатства, съ излишкомъ капитала и земли. Населеніе лишь въ тѣхъ странахъ слишкомъ многочисленно, въ которыхъ продуктивность вообще слишкомъ велика. Развитіе каждой перенаселенной страны, хотя бы развитіе Англіи за періодъ времени, слѣдовавшій за появленіемъ книги Мальтуса показываетъ это яснѣе всего. Эти факты Мальтусъ долженъ былъ разсмотрѣть во всей ихъ совокупности, и изслѣдованіе ихъ должно было привести его къ правильному заключенію. А онъ изъ массы фактовъ выхватилъ одинъ, оставивъ другіе неразсмотрѣнными и поэтому пришелъ къ своимъ безразсуднымъ выводамъ. Вторая ошибка Мальтуса заключалась въ томъ, что онъ смѣшалъ средства существованія съ занятіемъ. Но заслуга его состоитъ въ констатированіи того, что населеніе находится въ тѣсной зависимости съ областью примѣненія труда, что найти себѣ занятіе можетъ столько людей, сколько ихъ рождается, короче, что производство рабочей силы до сихъ поръ постоянно регулировалось закономъ конкур-

ренціи и поэтому тоже находилось въ зависимости отъ періодическихъ кризисовъ и колебаній. Но область примѣненія труда не то же, что средства существованія. Область примѣненія труда только въ конечномъ своемъ результатѣ расширяется вмѣстѣ съ увеличеніемъ силы машинъ и капитала, между тѣмъ какъ средства существованія увеличиваются сейчасъ же лишь только вообще хоть нѣсколько увеличится пролуктивная сила общества. Въ этомъ случаѣ обнаруживается еще одно противорѣчіе, присущее политической экономіи. Спросъ, о которомъ говоритъ экономистъ, не есть истинный спросъ, и его потребленіе тоже искусственное. Въ глазахъ экономиста лишь тотъ является истиннымъ потребителемъ, кто въ состояніи предложить эквивалентъ за то, что онъ получаетъ. А если въ дѣйствительности, каждый взрослый человѣкъ производитъ больше, чѣмъ онъ самъ можетъ потребить, если дѣтей можно сравнить съ деревьями, которыя сторицей возвращаютъ потраченный на нихъ трудъ (а вѣдь все это, конечно, факты?), то слѣдовало бы думать, что каждый рабочій будетъ имѣть возможность произвести гораздо больше, чѣмъ ему нужно и что община поэтому очень охотно обезпечитъ его всѣмъ, что ему нужно; слѣдовало бы думать, что большія семьи будутъ для общины весьма желательны. Но грубый въ своихъ воззрѣніяхъ экономистъ признаетъ только то эквивалентомъ, что выплачивается наличными деньгами. Онъ настолько погрязъ въ противорѣчіяхъ, что такъ же мало обращаетъ вниманія на самые яркіе факты, какъ и на научные принципы.

Мы уничтожаемъ это противорѣчіе просто тѣмъ, что устраняемъ его. Когда сольются воедино враждебные теперь интересы людей, тогда исчезнетъ и противорѣчіе между перенаселеніемъ съ одной стороны и избыткомъ богатства

съ другой стороны. Тогда исчезнетъ такое непонятное явленіе какъ то, что нація должна погибать съ голоду только вслѣдствіе своего богатства и избытка во всемъ необходимомъ. Тогда не будутъ утверждать, будто земля не имѣетъ силъ, достаточныхъ для того, чтобы прокормить людей...

Впрочемъ, Мальтусовская теорія была необходимымъ промежуточнымъ этапомъ для того, чтобы мы могли значительно уйти впередъ. Благодаря ей и благодаря политической экономіи вообще, мы обратили должное вниманіе на продуктивныя силы земли и человѣчества и, осиливъ отчаяніе, вызванное въ душѣ людей Мальтусомъ навсегда избавились отъ боязни перенаселенія. Изъ нея же мы вывели самые неоспоримые экономическіе аргументы въ защиту соціальной реформы. Если бы Мальтусъ былъ совсѣмъ правъ, то за реформу необходимо было бы приняться сейчасъ-же, потому что только она и только возможное благодаря ей умственное развитіе народной массы могли бы привести къ ограниченію инстинкта размноженія моральными средствами, что Мальтусъ самъ считалъ самымъ вѣрнымъ и самымъ легкимъ средствомъ для борьбы съ перенаселеніемъ. Благодаря теоріи же Мальтуса мы познакомились съ глубочайшимъ униженіемъ человѣчества, съ полной его зависимостью отъ условій, созданныхъ конкурренціей. Эта же теорія показала намъ, что частная собственность въ конечномъ своемъ итогѣ приравниваетъ человѣка къ товару, производство и уничтоженіе котораго стоитъ въ зависимости только отъ спроса и что система конкурренціи погубила и ежедневно губитъ милліоны людей. Во всемъ этомъ мы успѣли убѣдиться, и все это побуждаетъ насъ избавиться отъ униженія человѣчества, избавиться отъ него путемъ уничтоженія частной собственности, путемъ устраненія конкурренціи и противоположности интересовъ.

Чтобы доказать вообще неосновательность боязни перенаселенія, вернемся снова къ разбору соотношенія, существующаго между продуктивными силами общества и населенія. Мальтусъ указываетъ расчетъ, на которомъ онъ основалъ свою систему. По его мнѣнію, численность населенія увеличивается въ геометрической прогрессіи: 1 + 2 + 4 + 8 + 16 + 32 и т. д., между тѣмъ, какъ продуктивная сила земли растетъ въ прогрессіи ариѳметической: 1 + 2 + 3 + 4 + 5 + 6 и т. д. Разница получается огромная, ужасающая. Но развѣ правиленъ весь этотъ расчетъ? Кто доказалъ, что доходность земли увеличивается въ ариѳметической прогрессіи? Количество земли ограничено. Прекрасно! Рабочая сила, которую необходимо приложить для обработки данной поверхности, растетъ вмѣстѣ съ ростомъ населенія. Допустимъ даже, что доходъ съ земли при увеличеніи количества приложеннаго труда не всегда растетъ пропорціонально прилагаемой работѣ. Но и тогда будетъ упущенъ изъ вида третій элементъ, который, правда, никогда не игралъ никакой роли въ глазахъ экономиста,—это наука, а вѣдь ея прогрессъ безконеченъ и прогрессируетъ она, по крайней мѣрѣ, такъ же быстро, какъ растетъ населеніе. Какъ сильно двинулось впередъ земледѣліе 19 вѣка благодаря одной только химіи, благодаря открытіямъ только двухъ людей—сэра Гумфри Деви и Іустуса Либиха! Но вѣдь наука развивается по меньшей мѣрѣ такъ же быстро, какъ растетъ населеніе. Численность населенія увеличивается пропорціонально количеству послѣдняго поколѣнія, а успѣхи науки находятся въ связи съ той массою познанія, которая передана въ наслѣдство предыдущимъ поколѣніемъ, они, слѣдовательно, будутъ при самыхъ обыкновенныхъ условіяхъ расти тоже въ геометрической прогрессіи. Да развѣ есть что нибудь не-

возможное для науки? Вообще смѣшно говорить о перенаселеніи, пока «долина Миссисипи имѣетъ количество необработанной земли, достаточное для того, чтобы переселить туда все населеніе Европы», пока вообще подвергается обработкѣ только одна треть всей существующей земли, при чемъ плодородіе этой трети при примѣненіи уже теперь извѣстныхъ способовъ улучшенія можно увеличить въ шесть разъ.

* * *

Итакъ, конкурренція ставитъ лицомъ къ лицу капиталъ противъ капитала, трудъ противъ труда, землевладѣніе противъ землевладѣнія. Въ борьбѣ побѣждаетъ болѣе сильный и, чтобы предсказать исходъ этой борьбы, намъ придется изслѣдовать силу борющихся. Прежде всего и землевладѣніе и капиталъ сильнѣе труда, потому что рабочій долженъ работать, чтобы имѣть возможность прожить, между тѣмъ какъ землевладѣлецъ можетъ жить своею рентой, а капиталистъ процентами со своего капитала, въ крайнемъ же случаѣ они оба могутъ жить съ капитала или же съ земли, превращенной въ капиталъ. Это ведетъ къ тому, что труду достается только самое необходимое, достаются одни только средства существованія, а большая часть продуктовъ распредѣляется между капиталомъ и землевладѣніемъ. Далѣе, болѣе сильный рабочій вытѣсняетъ изъ рынка болѣе слабаго рабочаго, большій капиталъ вытѣсняетъ меньшій капиталъ, болѣе крупное землевладѣніе вытѣсняетъ болѣе мелкое. Практика вполнѣ подтверждаетъ это. Всѣмъ извѣстны преимущества, которыя имѣетъ болѣе крупный фабрикантъ или купецъ передъ мелкимъ, болѣе крупный землевладѣлецъ передъ владѣльцемъ единственнаго моргена земли. Изъ этого вытекаетъ, что уже при обычныхъ условіяхъ круп-

ный капиталъ и крупное землевладѣніе, пользуясь правомъ болѣе сильнаго, поглощаютъ мелкій капиталъ и мелкое землевладѣніе. Происходитъ централизація имуществъ. И во время торговыхъ или земельныхъ кризисовъ эта централизація идетъ болѣе быстрыми шагами. Крупныя имущества вообще умножаются гораздо быстрѣе мелкихъ, потому что гораздо меньшая часть ихъ дохода идетъ на покрытіе издержекъ владѣльца. Централизація имуществъ такой же незыблемый законъ частной собственности, какъ и всѣ другіе. Средній классъ долженъ исчезать все больше и больше, пока міръ людей не раздѣлится на милліонеровъ и на бѣдняковъ, на крупныхъ землевладѣльцевъ и нищихъ поденщиковъ. Никакіе законы, никакіе раздѣлы крупныхъ недвижимыхъ имуществъ, никакія дробленія капиталовъ тутъ не помогутъ. Этотъ исходъ долженъ наступить и наступитъ, если его не предупредитъ коренная реформа соціальныхъ условій, сліяніе противоположныхъ интересовъ и уничтоженіе частной собственности.

Свобода конкурренціи, этотъ лозунгъ современныхъ экономистовъ, представляетъ собою абсурдъ. Система монополіи, если она и не могла добиться этого, имѣла по крайней мѣрѣ цѣлью охранять потребителей отъ обмана. Отмѣна же монополіи даетъ просторъ обману. Вы скажете, конкурренція въ себѣ самой заключаетъ средство противъ обмана, потому что никто не станетъ покупать недоброкачественнаго товара. Но тогда каждый человѣкъ долженъ былъ бы быть знатокомъ относительно тѣхъ предметовъ, которые онъ пріобрѣтаетъ, а вѣдь это немыслимо. Изъ этого вытекаетъ необходимость монополіи, которая оправдывается въ извѣстныхъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, необходима монополія для аптекъ. И самый важный въ торговлѣ предметъ, деньги, нуждается больше

всѣхъ другихъ въ монополизированномъ производствѣ. Отмѣна государственной монополіи выдѣлки денегъ каждый разъ вызывала торговый кризисъ, и англійскіе экономисты, между прочимъ и докторъ Ведъ, признали въ этомъ случаѣ необходимость монополіи. На это можно возразить, что вѣдь и монополія не защищаетъ насъ отъ фальшивыхъ денегъ. Можно стать на какую угодно изъ этихъ точекъ зрѣнія, но обѣ все же окажутся одинаково неудобными. Монополія вызываетъ свободную конкурренцію, а послѣдняя снова влечетъ за собой монополію. Поэтому онѣ обѣ должны быть устранены, и вызванныя ими неудобства должны быть уничтожены путемъ устраненія обусловливающаго ихъ принципа.

* * *

Конкурренція проникла во всѣ стороны нашей жизни и увѣнчала собою рабство, въ которомъ обрѣтаются люди. Конкурренція представляетъ собою великую двигательную пружину, которая все время снова и снова приводитъ въ дѣйствіе нашъ устарѣвшій и дряхлый соціальный порядокъ, или, вѣрнѣе, безпорядокъ, и всякое новое усиліе губитъ часть его ослабѣвающей энергіи. Конкурренція не только подчинила себѣ численный ростъ человѣчества; она управляетъ и нравственнымъ его прогрессомъ. Тому кто хоть нѣсколько знакомъ съ статистикой преступленій, навѣрное бросилась въ глаза своеобразная правильность, съ которой ежегодно растетъ число преступленій, а также и то, что опредѣленныя причины ведутъ за собою и опредѣленныя преступленія. Развитіе фабричной системы всюду вызывало увеличеніе числа преступленій. Можно заранѣе съ точностью опредѣлить для каждаго большого города или округа число арестовъ, уголовныхъ преступленій, убійствъ, кражъ со взло-

момъ и мелкихъ кражъ, которыя будутъ совершены въ теченіе года, какъ это очень часто и дѣлали въ Англіи.

Эта правильность доказываетъ, что и преступленія управляются конкурренціей, что данный общественный строй вызываетъ спросъ на преступленія, которому соотвѣтствуетъ извѣстное предложеніе, что тотъ пробѣлъ, который возникаетъ вслѣдствіе арестовъ, высылки и казни извѣстнаго числа людей тотчасъ же восполняется другими, точно также какъ возникающій пробѣлъ въ народонаселеніи сейчасъ же восполняется новыми рожденіями. Другими словами, преступленія также находятся въ зависимости отъ средствъ наказанія, какъ народонаселеніе отъ средствъ занятій. Я предоставляю читателямъ судить о томъ, насколько разумно при такихъ обстоятельствахъ, не говоря уже о всѣхъ прочихъ условіяхъ, подвергать преступниковъ наказанію. Мнѣ здѣсь интересно было только выяснить, насколько роль конкурренціи охватываетъ и область морали, и показать, до какого глубокаго униженія довела человѣка частная собственность.

* * *

Въ борьбѣ капитала и земли противъ труда, первые два элемента имѣютъ еще одно особое преимущество передъ третьимъ. Это—помощь науки, потому что при современныхъ условіяхъ и наука идетъ противъ труда. Такъ, почти всѣ изобрѣтенія механики были вызваны недостаткомъ въ рабочей силѣ, что обнаруживается напр. на изобрѣтеніи хлопчатобумажныхъ ткацкихъ машинахъ Таргрева, Кромптона и Аркрайта. Обыкновенно, въ случаяхъ нужды въ трудѣ всегда возникало какое нибудь изобрѣтеніе, которое значительно умножало рабочую силу и такимъ образомъ уменьшало спросъ на человѣческій трудъ. Это безпрерывно доказываетъ исторія Англіи, начиная отъ

1770 года до нашихъ дней. Послѣднее крупное изобрѣтеніе въ области хлопчатобумажной промышленности, сельфакторъ Selfacting Mull) было вызвано только повышеннымъ спросомъ на трудъ и возрастаніемъ заработной платы. Это изобрѣтеніе вдвое увеличило работоспособность машины и тѣмъ самымъ наполовину уменьшило ручную работу, оставило безъ работы половину рабочихъ и понизило заработокъ другой половины. Оно разрушило комплотъ рабочихъ противъ фабрикантовъ и уничтожило послѣдній остатокъ силъ, при помощи которыхъ трудъ еще выдерживалъ неравную борьбу съ капиталомъ (Ср. Dr. Ure «Philosophy of manufactures» томъ II-ой). Экономистъ, пожалуй, скажетъ, что въ конечномъ результатѣ машины выгодны для рабочаго, потому что онѣ удешевляютъ производство и такимъ образомъ создаютъ новый и большій рынокъ для своихъ продуктовъ и, въ концѣ концовъ, все-таки снова занимаютъ рабочихъ, лишившихся работы. Все это вѣрно. Но развѣ въ этомъ случаѣ экономистъ забылъ, что производство рабочей силы регулируется конкурренціей и что рабочая сила постоянно зависитъ отъ средствъ занятій? Если бы, поэтому, машина даже и представляла такія преимущества для рабочихъ, то все же оказался бы излишекъ конкуррирующихъ рабочихъ и эти преимущества были бы только иллюзорными, между тѣмъ, какъ вредъ, который машины наносятъ рабочимъ— (внезапное исчезновеніе средствъ существованія для одной части рабочихъ и паденіе цѣнъ для другой части) оставался бы реальнымъ. Развѣ экономистъ забылъ, что развитіе изобрѣтеній никогда не останавливается и что этотъ вредъ остается вѣчнымъ? Развѣ онъ забылъ, что при вызванномъ нашей цивилизаціей и безконечно усилившемся раздѣленіи труда, рабочій можетъ существовать только въ томъ случаѣ, если онъ находитъ примѣненіе своимъ си-

ламъ у опредѣленной машины и для опредѣленной мелкой работы? Развѣ онъ забылъ, что переходъ отъ одного занятія къ другому новому для взрослаго рабочаго почти немыслимъ?

Разсматривая вліяніе машинъ, я перешелъ къ другой, болѣе отдаленной темѣ, къ вопросу о фабричной системѣ, но разсматривать ее здѣсь у меня нѣтъ ни охоты, ни времени. Я надѣюсь, впрочемъ, вскорѣ получить возможность подробно указать на отвратительную безнравственность этой системы и безпощадно обнаружить лицемѣріе экономистовъ, очень ярко проявляющееся въ этомъ случаѣ.

237 X

Вышли въ свѣтъ слѣдующія изданія:

К. Каутскій. «Экономическое ученіе Маркса». Ц. 30 к.

Э. Вандервельдъ. «Промышленное развитіе и общественный строй». Ц. 50 к.

«Итоги 48-го года». (Статьи изъ «Новой Рейнской Газеты»). Ц. 30 к.

«Наемный трудъ и капиталъ». Пер. съ нѣм. Ц. 10 к.

В. Гюго. «Клодъ Ге». Ц. 3 к.

Ф. Энгельсъ. «Къ критикѣ политич. экономіи». Ц. 7 к.

Клара Цеткина. «Женщина и ея экономическое положеніе. Ц. 7 к.

Э. Вальянъ. «Кризисъ и безработица». Ц. 7 к.

«Законодательные акты Франціи». (Декларація правъ человѣка и гражданина, конституціи 1791, 93, 1848, 75 г.г.). переводъ съ французскаго съ предисловіемъ Р. Лемберкъ. Ц. 25 к.

Ф. Энгельсъ. «Отъ утопіи къ научной теоріи». Ц. 10 к.

Ф. Лассаль. «Принципы труда въ современномъ обществѣ. Ц. 10 к.

Выписывающіе изъ главнаго склада (С.-Петербургъ, Спасскій пер., № 8) за пересылку не платятъ.

Деньги просятъ присылать впередъ (можно и почтовыми марками).

Книгопродавцы пользуются безплатной пересылкой (въ предѣлахъ Европы, Россіи и Кавказа) при заказахъ на сумму не менѣе 15 рублей.

BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
3 1197 20376 2270